ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 3

1923 г.

ГОЛОС МИНУВШЕГО

ЖУРНАЛ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Год издания XI)

Светлой памяти
В. И. Семевского

№ 3 Май-Октябрь 1923

ОГЛАВЛЕНИЕ

Главлит 11.269. Тираж 1.500.

Интернациональная типография „Мосполиграф“ Путинковский пер., № 3.

Помещичий быт в Украине 40 г.г.

(Из писем В. И. Даля.)

Выдержки из помещаемых ниже писем В. И. Даля относятся к тому времени, когда он служил в удельном ведомстве под началом товарища министра уделов гр. Л. А. Перовского. Служба эта продолжалась с 1841 до 1849 года.

В 1844 г. здоровье Даля несколько расстроилось, и он поехал на лето отдыхать в „Убежище“, малороссийское имение своего близкого знакомого, писателя Е. П. Гребенки. Во время этой поездки Даль значительно пополнил запасы слов и выражений для „Толкового Словаря Живого Великорусского Языка“, над которым тогда работал уже 25-й год и который окончил еще только через 17 лет. Упомянутые письма адресованы ко второй жене В. И. Даля, Екатерине Львовне, урожденной Соколовой, оставшейся в то лето в Петербурге. Много места в этих письмах уделено тому, что больше всего интересовало Даля: замечаниям о народном говоре, разным „о́каньям“, „дзе́каньям“ и т. п. Не будучи предназначены для печати, письма эти не обработаны литературно. Тем не менее, в них есть немало мест, не лишенных интереса, как напр., описания быта и различных типов тогдашних малороссийских помещиков. Выпущено из них все то, что имеет лишь семейный интерес.

В заключение помещено письмо владельца „Убежища“, Е. П. Гребенки к Екатерине Львовне Даль.

I.

21 июня 1844 г.

Сегодня, милая Катя, в 7 часов утра, прибыли мы благополучно в „Убежище“, место нашего первого назначенья. Хотя на половине пути и застали нас сплошные дожди, и в Витебской, Могилевской и Черниговской губ. были дороги ужасные, но мы ехали весело, проехали 1300 верст в $6^1/_2$ суток и нашли здесь желанное убежище. Ты хотела, чтобы я писал тебе что-нибудь о дороге нашей; вот:

В Псковской губ. народ ледащий, полурусский, много примеси чухонского; бедность и свинство господствуют. В Витебской встречаешь сейчас

на границе первых жидов, корчму, где покормили нас хорошим супом и телятиной, дали также пива и кофе. Тут встретили мы также обоз русского барича, который, находя, что родовое имение его не скоро проживается, отправлял из столицы в деревню между прочим целое собрание обезьян и попугаев. Это тешило толпу, которая сбегалась отовсюду глазеть на диковинку. В Витебской и Могилевской губерниях народ Литва, *дзекают;* это вялый, слабосильный, тупоумный народ, который на все отвечает последним словом твоего вопроса, и потому у них нельзя ничему (?) допытаться. Наречие неприятное, среднее между Великорусским, Малорусским и польским. На границе Черниговской наречие это ближе к Украинскому, но даже вся Черниговская губ. говорит очень дурно на природном языке своем и сбивается на белорусский. В Полтавской видим уже настоящую Украйну. Я охотно стал опять болтать на этом ясном языке, где речь выходит замысловата, простодушна и очень забавна. Как ни бьешься сказать то же по русски — выходит неясность, натяжка и даже пошло и грубо.

Да, быт и жизнь народов так тесно связаны с языком их, что одного нельзя отделить от другого. Перевод по словарю годен только для школьника и не удовлетворяет ни мысль, ни чувство. Гребенка чрезвычайно хорошо, свободно и приятно говорит по украински, и я охотно вовлекаю его в шутки и разговоры с крестьянами.

. . . .

II.

22 июня 1844 г.

Переспав одну ночь и пробыв здесь одни сутки в доме, могу только сказать тебе, что тут просто откармливают на убой. Право я дома никогда в 3—4 дня не с'едал и не выпивал того, что вчера в один день. Весь день ровно ни о чем не думают, как о том, „чего бы такого, например, поесть?“ Стол простой, украинский, но самый отличный, и ты знаешь, что это по моему вкусу. Считай сама: в 7 часов парное молоко, в 8 простокваша, в 9 кофе — к которому ставят особый горшечек сливок с пенками — в 10 чай, в 11 плоды и сливки, в 12 завтрак, в час закуска, в 2 обед, в 3 кофе, в 4 варенье и лакомства, в 5 парное молоко, в 6 стакан сливок, в 7 чай (с крепделями, сухарями, булочками и пр. и с молоком); в 8 простокваша, в 9 ужин... только и остается вздохнуть свободно и уснуть от 10 до 7 утра!

. . . .

III.

...Только что воротились с проводов Свечки, бывшего зятя Гребенки... Так смотреть на этого человека: именье в 4000 душ со времен Гетманщины, раздробилось и расстроилось у деда и особенно в руках отца, а теперь осталось 250 душ и долги. Хозяйки нет, хозяйство расстроено и запущено, дворня огромная, остатки псарей и музыкантов, которые и теперь еще

играют марш, когда мы идем на озеро стрелять чаек, или в сад на воробьев; дом в упадке, дворни более 50 человек. Расстроив имение, отец и сыну не дал никакого образования, а будучи богатым и потомком известных в истории Малороссии Свечек, отдал сына в пехотный полк. Отец умер, а сын вышел в отставку и приехал хозяйничать; к счастью, природа была ему лучшим отцом, нежели родной отец, но всетаки того, что упущено, вознаградить нечем. Мы поехали провожать его в субботу, переночевали, выпроводили и воротились. Там застали мы еще кой кого: отставного майора, добряка и чудака, о котором ничего нельзя сказать, как что он лепит из воску птичек; Свирского, довольно умного и приятного человека; двух братьев, приехавших из армии за наследством, замечательных лгунов и хвастунов — также по наследству, потому что покойный отец был, говорят, таков же, только он покашливал, когда врал, а эти даже не покашливают. Гребенка так хохотал, что выскакивал из комнаты, а я молчал и слушал не улыбаясь: как с мужика скосили голову долой косой, а он был верхом и ускакал, между тем как голова осталась на месте; как другого прокололи во всю длину пикой насквозь, а он притворился, что не замечает этого и продолжал петь песню, которую начал и пр. Еще был помещик Богданович, благородный, прекрасный человек, несмотря на то что горбат, всеми уважаем, всеобщий опекун и попечитель. Мы провели там, у Свечки, два дня довольно весело, хотя, конечно, такое веселье — шум, смех, рассказы, стрельба, музыка, биллиард и еда — может тешить только для перемены, на короткое время. Тут, как нарочно, в честь присутствия доктора, пасечник упал с дерева и разбился, а девочка лет 12-ти вывихнула себе локоть, который я и вправил благополучно.

Здесь *) довольно часто бывают гости, всегда по нескольку дней; теперь гостит уездной дедушка, т. е. человек, которого весь уезд зовет дедушкой, лет 70-ти, и вчера еще плясал мазурку под флейту Гребенки и говорит, что ему наскучило жить одному и пора бы жениться. Дочь его лет 40, теперь только вышла замуж за какого то прапорщика, а сестра Гребенки без зрения совести подымает его в глаза на-смех, а та нежничает и повертывает головку, как чижик. С ними приехала также Дончиха (с Дону), прехорошенькая казачка, вышедшая замуж за здешнего помещика. У нее удивительная коса в руку толщины и ниже колен.

IV.

...Хатка моя об одной комнатке с оконцами и камельком; вся раскрашена, а пол под мастикой и покрыт ковром; окна маленькия, во все стороны и притом заставлены серпянкой. Каждый день приносят по два кувшина свежих цветов.

...Прислуживает мне человек Иван, а на посылках бегают ребятишки и девченки, которые стерегут сад. Под садом этим десятин десять. Дворо-

*) т. е. в «Убежище».

вых у Гребенки немного и все почти заняты делом. На порядочной охоте мы еще не были, рано еще, а разве в половине июля; а так постреливаем кое-что. Вчера жиды приезжали с товарами, — такая непомерная дрянь, что право даром брать было нечего. Я купил ножичек для мальчишки, который у меня на посылках, да кстати роздал и серьги твои, которые были причиной больших радостей. Такого щегольства не было в доме, а все только гнуться проволочныя сережки с какой нибудь бусой. Кроме прачки, ключницы и кухарки, в доме нет баб; остальное досталось девченкам, коим матери и тетки очень завидовали. На селе не был я еще; оно по ту сторону сада, люди всегда в работе, паны боятся собак. Пойду как-нибуд в воскресенье. Есть здесь—без этого к сожалению не обойтись—дурак и дура, малоумные. Он погоняет волов на мельнице, а ей между прочим поручена в заведывание хатка, которую обыкновенно не называют по имени. Хатку эту дура прибирает каждый день, метет, моет, посыпает душистой травой, развешивает венки и ставит в печурки, в стене, целые пучки цветов. Раз или два в месяц она также мажет и белит свою хатку и очень довольна таким хозяйством; и должно признаться, что она очень опрятная хозяйка.

Помещиков здесь пропасть, не так, как в Оренбурге. В 10-ти—15-ти верстах есть богатые, душ по тысяче и по две, как Закревские, Вольховские, а в ближайшей окрестности, на каждых двух-трех верстах, помельче. Поэтому тут соседей множество, а также гостей и посещений и жизнь нельзя назвать одинокою.

Теперь жиды портные приехали, шьют дамам платья, по 1 руб. серебром за работу, и корсеты на одесский манер, как они уверяют. Кстати: в Шклове мы хотели взять хорошого пива и спросили, есть ли белое? У жида было только черное, но он хотел вывернуться и изобрел третий, небывалый доселе сорт пива: *Красное* есть, сказал он, и мы расхохотались. Гребенка спросил также табаку Жукова, но непременно Жукова; жид сказал, что есть, побежал и принес завернутый в бумагу картуз, очень похожий на Ж., но когда весь развернули, то оказалось, что табак Семенова. Гребенка бросил табак и напустился на жида, этот же сказал таинственно: „Позвольте, ваше блягородие, это все равно; Семенов — это самой любимой прикащик Жукова, он дает ему свой табак“. Каково?

V.

Из письма от 13-го июля 1844 г.

...Не помню, говорил ли я тебе, что был у отца Гудимы, который живет на знаменитой речке Слепороде, где помещиков более, чем мужиков? Старик чудак, но не без достоинства: он был 40 лет землемером и вышел так же беден, как вступил. Все отдают ему справедливость в примерно честности. Но он не может слова сказать без затейливой брани, режет всякому спроста правду в глаза и рассказывает это сам очень смешно. О семействе он не заботится, дочери выросли, как растет полынь в поле, и кажется, знают твердо одно только — то же что дочери Дьяконова, — что

они дворянки, хоть ину пору и нечего есть. Старику под 80, но он все еще трудится и работает, межует и проч., и зарабатывает копейку. Завтра, 13-го, едем с Гребенкой к будущей его жене, но это все еще по секрету, никто не знает, ниже мать, он хочет обрадовать ее, когда все кончится.

VI.

Из письма „последнего из Украины".

..Сегодня воротились со свадьбы...*), там познакомился со многими помещиками и между прочим был у Фроловой-Багреевой, — это единственная дочь Сперанского, этого единственного в своем роде государственного мужа. Она очень умная и приятная женщина, приняла меня чрезвычайно хорошо и даже дала мне с собою, чтобы списать в Петербурге три замечательные рукописи его. У нее в деревне устроено много хорошего; между прочим больница, где люди пользуются за 9 руб. сер. в месяц у очень умного и знающего врача. Это истинное благодеяние здешнего края, за которое все ее превозносят. Еще в деревне устроен детский приют — не такой бестолковый, как устраивают у нас в городах люди, кои желают получить крестик, а изба, куда все крестьяне, уходя на работу, могут отдавать ребятишек и вечером за ними приходят.

Это устроено по тому поводу, что свинья ноги от'ела брошенному без призора ребенку.

ПИСЬМО Е. П. ГРЕБЕНКИ.

Ах! почтеннейшая и милейшая Катерина — виноват! — Екатерина Львовна! я женюсь на прелестной девушке, поздравьте меня, еслиб Вы знали, как мне весело! моя будущая жена даже в русском письме не делает ни одной ошибки, порадуйтесь моему счастию! Кроме этого *она* добра и (но это по моему последнее) хорошенькая. — Вот Владимир Иванович просто молодец, хлопочет, услуживает, лечит, смешит, и рассуждает и убеждает — дай Бог ему здоровья. Одно худо, мы не поедем вместе, горько моей головушке, но делать нечего; впрочем не беспокойтесь, я ему даю свой тарантас, — хоть не красив, но защищающий от дождя, — и честного человека для прислуги.

До свидания, меня торопят.

Весь Ваш Е. Гребенка.

*) Е. Гребенки.